

НЕФЕДОВ БОРИС ИВАНОВИЧ

**Соотношение международного и внутригосударственного права:
проблема формирования межсистемных образований**

Специальность

12.00.10 – международное право, европейское право

Автореферат

диссертации на соискание
ученой степени доктора юридических наук

Москва 2012

Работа выполнена на кафедре конституционного и международного права Омского юридического института.

Официальные оппоненты:

– доктор юридических наук, профессор
ЗИМНЕНКО Богдан Леонидович –
заместитель начальника Управления систематизации
законодательства и анализа судебной практики
Верховного Суда Российской Федерации;

– доктор юридических наук, профессор
МАЛЕЕВ Юрий Николаевич –
профессор кафедры международного права
Московского государственного института
международных отношений (университета)
МИД России;

– доктор юридических наук, профессор
ШУМИЛОВ Владимир Михайлович –
заведующий кафедрой публичного права
Всероссийской академии внешней торговли
Минэкономразвития России.

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
юридический факультет.

Защита состоится 30 мая 2012 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.21 при Российском университете дружбы народов (117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского университета дружбы народов.

Автореферат разослан «_____» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е. П. Ермакова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Резкое усиление миграционных процессов в начале XIX в., а затем и мировые процессы глобализации, повлекли за собой стремительное развитие международных контактов в сфере торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества в области культуры, образования, туризма и спорта, совместного разрешения социальных и миграционных проблем, вопросов экологии и пр. Одним из проявлений новых реалий стало массовое появление качественно неоднородных международных, но не межгосударственных (так называемых транснациональных), отношений. От внутригосударственных отношений (в их чистом виде) их отличало то, что они всегда были отягощены так называемым «иностранным (или международным) элементом». В отличие же от международных межгосударственных отношений в транснациональных отношениях хотя бы одним из субъектов всегда являлось физическое или юридическое лицо.

Поскольку транснациональные отношения не вписывались ни в понятие отношений внутригосударственных, регулируемых национальным правом, ни в понятие международных межгосударственных отношений, являвшихся предметом регулирования международного (публичного) права, у этой группы общественных отношений не оказалось «собственной» правовой системы (которая, в отличие от международного права, в итоге так и не была создана). Их регулирование стало осуществляться и на национальном, и на международном уровнях. В результате нормы, участвующие в механизме их правового регулирования, оказались закреплены в одноименных надотраслевых образованиях (частное право, административное право в его широком смысле и др.), но разных правовых систем – международного права, внутригосударственного права, национального права иных государств. Поскольку предмет и методы правового регулирования в рамках однородных надотраслевых образований в разных системах права при регулировании соответствующих отношений в целом совпадали, стало возможным появление таких специфических форм их взаимодействия как международное частное право, международное административное право и др., которые получили в диссертации рабочее название межсистемных надотраслевых образований (МНО).

Право как таковое имеет свою структуру. Прежде всего, оно делится на самостоятельные независимые правовые системы – международное право и

внутригосударственное право отдельных государств. Для регулирования транснациональных отношений в рамках уже существующей структуры права стали формироваться МНО, которые, не являясь самостоятельными правовыми системами, тем не менее, также становятся элементами структуры права как такового. Выступая в форме межсистемных связей составляющих право элементов, МНО обеспечивают их взаимосвязанность и взаимозависимость, устойчивость всей системы правового регулирования в целом. При этом каждое межсистемное надотраслевое образование также характеризуется взаимосвязанностью, взаимозависимостью и устойчивостью его собственных элементов.

Возникновение МНО, тем более во множественном числе, никак не вписывалось в устоявшиеся представления о существующих видах общественных отношений и формах взаимодействия международной и национальных правовых систем в их регулировании. Это потребовало изменения представлений о международном и национальном праве, сферах их правового регулирования, пересмотра в целом теоретических основ и форм их взаимодействия между собой. В результате возникли и продолжают до сегодняшнего дня многочисленные научные споры, касающиеся как признания самого факта существования таких образований, или их отдельных видов, так и определения их правовой природы в целом, а также их базисных основ – предмета и методов правового регулирования, специфики их субъектов и источников. Ситуация усугублялась тем, что проблемы правового регулирования транснациональных отношений были предметом исследования только отдельных отраслей права, каждая из которых развивала свою собственную сложную, зачастую одностороннюю и запутанную доктрину.

Актуальность темы диссертационного исследования

Диссертация посвящена исследованию фундаментальных проблем, связанных с урегулированием международных немежгосударственных отношений и возникновением в праве межсистемных надотраслевых образований как новых форм взаимодействия национальных и международной правовых систем. Впервые в отечественной юридической науке на значительном фактическом, нормативном и теоретическом материале высказан и обоснован в качестве авторской концепции сам факт существования межсистемных надотраслевых образований, сделан вывод об

их множественности, рассмотрены в целом их правовая сущность, предметы, методы и механизм правового регулирования.

В диссертации применительно к России рассматриваются вопросы согласования требований норм разных правовых систем, особенности взаимодействия норм международных договоров и внутригосударственного законодательства в процессе регулирования и регламентации транснациональных отношений. Предметом рассмотрения в исследовании являются и наиболее дискутируемые в российской правовой науке вопросы, связанные с источниками таких образований, субъектами регулируемых ими общественных отношений и др., приведены авторские взгляды по ним.

Все это позволяет восполнить один из существенных пробелов, обозначившихся в отечественной науке международного права, общей теории права и отраслевых науках.

Изложенное подтверждает актуальность избранной темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы

Непосредственно вопрос о существовании МНО в правовой науке не ставился и не решался.

Вместе с тем, вопросы взаимодействия, как правовых систем между собой, так и разносистемных норм в механизме регулирования общественных отношений, являются традиционными объектами исследования в отечественной и зарубежной правовой науке. Достаточно сослаться на труды Л. П. Ануфриевой, С. В. Бахина, К. А. Бекашева, Н. Т. Блатовой, И. П. Блищенко, М. М. Богуславского, В. Г. Буткевича, Г. М. Вельяминова, Н. В. Витрука, А. С. Гавердовского, В. В. Гаврилова, Г. К. Дмитриевой, Г. В. Игнетенко, В. А. Канашевского, А. Я. Капустина, В. А. Карташкина, О. Е. Кутафина, Л. Б. Лазарева, Д. Б. Левина, И. И. Лукашука, Ю. Н. Малеева, С. Ю. Марочкина, Н. В. Миронова, А. П. Мовчана, Л. А. Моджорян, А. А. Рубанова, В. Я. Суворовой, О. И. Тиунова, Ю. А. Тихомирова, Г. И. Тункина, Е. Т. Усенко, Н. А. Ушакова, Д. И. Фельдмана, О. Н. Хлестова, С. В. Черниченко, В. М. Шумилова, В. М. Шуршалова (отечественные авторы), Д. Анцелотти, Э. Аречаги, Я. Броунли, Ж. Веделя, Р. Давида, Ф. Джессопа, Г. Кельзена, Е. Клейна, Л. Оппенгейма, К. Райта, Ф. Риго, Ж. Сселя, Г. Триппеля, Х. Шаха, А. Фердросса, В. Фридмана, А. Цорна др.

Анализ ряда принципиальных для проводимого исследования проблем также нашел свое отражение в работах, посвященных сущности

международного частного права, вопросам международной правосубъектности, прав и свобод человека, правовому положению иностранцев, источникам права и др. Это, прежде всего труды Л. П. Ануфриевой, И. П. Блищенко, М. М. Богуславского, М. И. Брагинского, Л. Н. Галенской, И. В. Гетьма-Павловой, С. А. Голунского, В. Э. Грабаря, Г. К. Дмитриевой, Н. Ю. Ерпылевой, Н. В. Захаровой, В. П. Звекова, П. Е. Казанского, В. А. Канашевского, Д. Б. Каткова, Ф. И. Кожевникова, Б. И. Кольцова, Е. В. Корчиги, С. Б. Крылова, М. Н. Кузнецова, С. Н. Лебедева, А. Б. Левитина, Е. А. Лукашевой, Л. А. Лунца, А. Н. Макарова, А. Л. Маковского, С. А. Малинина, Г. К. Матвеева, А. П. Мовчан, Р. А. Мюллерсона, Т. Н. Нешатаевой, Н. В. Орловой, И. С. Перетерского, М. Г. Розенберга, А. А. Рубанова, О. Н. Садикова, В. М. Сырых, О. И. Тиунова, В. Л. Толстых, Е. Т. Усенко, Н. А. Ушакова, Д. И. Фельдмана (отечественные авторы), Е. Басада, Х. Батиффоля, М. Вольфа, М. Геновски, М. Джулиано, Х. де Иангуас Мессия, Г. Кегеля, К. Лирстайна, Ж. Сселя, А. Цорна и др.

Объект исследования – международные немежгосударственные (транснациональные) отношения и тесно связанные с ними международные межгосударственные и внутригосударственные отношения.

Предмет исследования – теоретические основы становления и развития прежде всего международного частного права и международного административного права как составляющих подсистем международного права и как межсистемных образований, направленных на урегулирование международных немежгосударственных отношений, предметы и методы их правового регулирования, особенности субъектного состава регулируемых правоотношений и их источников.

Цели и задачи исследования

Основными **целями** диссертационного исследования являются:

– комплексное исследование и выявление особенностей взаимодействия международного и внутригосударственного регулирования международных немежгосударственных отношений;

– выявление наиболее существенных особенностей межсистемных надотраслевых образований, создаваемых для регулирования международных немежгосударственных отношений, их места в структуре права и правовой природы, особенностей транснациональной правосубъектности и источников таких образований;

– выявление наиболее существенных пробелов в правовом регулировании немежгосударственных отношений и разработка конкретных предложений по совершенствованию международно-правовых документов и нормативно-правовых актов Российской Федерации в этой области.

Достижение указанных целей связано с решением следующих задач:

– исследование историко-правовых аспектов появления и развития межсистемных надотраслевых образований в праве, научно-теоретическое обоснование их места в структуре права;

– выяснение роли правовых систем в механизме регулирования международных немежгосударственных отношений, исследование форм и способов участия норм международного права и права иностранных государств как в регламентации, так и непосредственном регулировании транснациональных общественных отношений на территории России;

– научно-теоретическое обоснование применимости норм международного права как к регламентации, так и к непосредственному регулированию транснациональных отношений на территории нашего государства;

– анализ международно-правовых документов и нормативных актов Российской Федерации, регулирующих транснациональные отношения;

– теоретическая разработка определения правовой сущности межсистемных надотраслевых образований, предмета и методов их правового регулирования, субъектов регулируемых отношений и источников;

– определение форм и способов разрешения коллизий между требованиями международно-правовых и внутригосударственных норм, а также норм различных национальных правовых систем между собой, направленных на регулирование и регламентацию международных немежгосударственных отношений;

– уточнение содержания ряда понятий, относящихся к вопросам регулирования транснациональных отношений;

– формирование конкретных предложений и рекомендаций по вопросам правового регулирования международных немежгосударственных отношений, улучшения практики его применения, а также по дальнейшей разработке общетеоретических, фундаментальных аспектов данной проблемы.

Достоверность и обоснованность результатов исследования

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается *диалектическим методом и совокупностью иных общенаучных и частных методов исследования*. Теоретической основой для исследования стали работы известных, прежде всего российских ученых в области международного (публичного) права, международного частного права, общей теории государства и права, конституционного права, гражданского права и процесса, административного, таможенного, финансового, налогового и валютного права, уголовного права и процесса и др.

Информационную базу исследования составили международно-правовые документы, нормативные правовые акты РФ и субъектов РФ, а также нормативные акты иностранных государств.

Методологическая основа исследования

При подготовке диссертационной работы автором в комплексе использовался широкий спектр различных методов исследования: диалектико-материалистической философии, системного, структурного и функционального анализа как общих методов научного познания явлений объективного мира. В процессе исследования применялись общенаучные и специальные юридические методы: сравнительно-правовой, историко-правовой и др.

Теоретическую базу исследования составили труды:

– *по международному публичному и частному праву:*

– русских дореволюционных юристов: М. И. Бруна, Н. П. Иванова, П. Е. Казанского, М. Н. Капустина, Н. М. Коркунова, С. А. Котляревского, Ф. Ф. Мартенса, К. И. Малышева, Л. Н. Мандельштама, Б. Э. Нольде, А. Н. Стоянова, А. А. Пиленко, Г. Ф. Шершеневича и др.;

– иностраных авторов: Д. Анцелотти, Э. Аречаги, А. Блекмана, Я. Броунли, Ж. Веделя, Г. Гроция, Р. Давида, Ф. Джессопа, П. Жюайра, Д. Карро, Х. Кельзена, Е. Клейна, М. Контона, Э. Кордта, Х. Коха, Д. Кунца, Л. Оппенгейма, К. Райта, Х. Шаха, А. Фердросса и др.;

– советских исследователей 20–30-х гг. XX столетия: И. Л. Брауде, Г. Е. Вилкова, А. Г. Гойхбарг, В. Э. Грабаря, Ю. В. Ключникова, В. М. Корецкого, С. Б. Крылова, А. М. Ладыженского, А. Б. Левитина, Л. А. Лунца, А. Н. Макарова, И. С. Перетерского, М. А. Плоткина, С. И. Раевича, Б. Е. Штейна и др.;

– авторов эпохи Советского Союза и современного периода:

Э. М. Аметистова, Л. П. Ануфриевой, С. В. Бахина, К. А. Бекашева,
П. Н. Бирюкова, Н. Т. Блатовой, И. П. Блищенко, Р. Л. Боброва,
М. М. Богуславского, К. Г. Борисова, В. Г. Бояршинова, М. И. Брагинского,
С. Н. Братуся, В. Г. Буткевича, Г. М. Вельяминова, Н. В. Витрука,
А. С. Гавердовского, В. В. Гаврилова, К. К. Гасанова, Л. Н. Галенской,
Б. В. Ганюшкина, Т. П. Гревцовой, И. А. Грингольц, Г. К. Дмитриевой,
Н. Ю. Ерпылевой, И. С. Зыкина, В. П. Звекова, Б. Л. Зимненко,
Г. В. Игнетенко, Е. В. Кабатовой, Г. П. Калюжной, В. А. Канашевского,
А. Я. Капустина, В. А. Карташкина, Б. М. Клименко, Ф. И. Кожевникова,
Ю. М. Колосова, Б. И. Кольцова, Е. А. Коровина, В. В. Кудашкина,
М. Н. Кузнецова, О. Е. Кутафина, Л. Б. Лазарева, С. Н. Лебедева,
Д. Б. Левина, И. И. Лукашука, А. Л. Маковского, Ю. Н. Малеева,
Г. Н. Манова, С. Ю. Марочкина, Н. И. Марышевой, Г. К. Матвеева,
Т. В. Матвеевой, Н. В. Миронова, Л. А. Моджорян, А. П. Мовчана,
Р. А. Мюллерсона, Т. Н. Нешатаевой, М. Г. Розенберг, А. А. Рубанова,
В. К. Собакина, О. Н. Садикова, В. Я. Суворовой, Ю. А. Тихомирова,
О. И. Тиунова, В. Л. Толстых, Г. И. Тункина, Е. Т. Усенко, Н. А. Ушакова,
Д. И. Фельдмана, Г. Ю. Федосеевой, О. Н. Хлестова, И. О. Хлестовой,
В. Г. Храбскова, С. В. Черниченко, В. М. Шумилова, В. М. Шуршалова и др.;

– *труды специалистов в области общей теории права:* С. С. Алексеева,
В. К. Бабаева, П. П. Баранова, М. И. Байтина, Я. М. Бельсона,
А. В. Венгерова, А. Ф. Вишневого, Э. П. Григониса, Ю. А. Дмитриева,
С. А. Комарова, В. В. Копейчикова, В. М. Корельского, А. И. Косарева,
В. В. Лазарева, Е. А. Лукашевой, А. В. Малько, В. М. Манохина,
М. Н. Марченко, Н. И. Матузова, Л. А. Морозовой, В. С. Нерсесянца,
В. В. Оскамытного, В. Д. Перевалова, И. С. Самощенко, С. В. Степашина,
В. М. Сырых, Б. Н. Топорнина, А. Ф. Черданцева, Н. В. Черноголовкина,
И. Л. Чеснокова, В. Ф. Яковлева и др.;

– *труды специалистов в области административного права:*
Ю. Е. Аврутина, Г. В. Атаманчука, Д. Н. Бахраха, И. Л. Бачило,
К. С. Бельского, Н. В. Бугеля, Б. Н. Габричидзе, М. И. Еропкина,
Н. Н. Жильского, В. Я. Кикотя, Н. М. Кониная, Б. П. Курашвили,
Ю. И. Мигачева, Б. М. Лазарева, С. С. Маиляна, Л. А. Николаевой,
А. В. Оболонского, Ю. П. Соловья, В. Д. Сорокина, Ю. Н. Старилова,
Ю. А. Тихомирова и др.;

– *труды специалистов в иных отраслях юридической науки*: Г. И. Богуша, Л. И. Воловой, В. В. Голицына, В. Г. Драганова, С. А. Иванова, Е. Е. Ивановой, Н. И. Костенко, И. И. Котлярова, В. К. Лисица, Г. В. Петровой, М. М. Рассолова, В. И. Степаненко, К. Л. Ходжабеговой и др.

Научная новизна исследования заключается, прежде всего, в том, что работа является первым системным по характеру и концептуальным по содержанию монографическим исследованием фундаментальных проблем, связанных с возникновением в праве межсистемных надотраслевых образований как форм взаимодействия национальных и международной правовых систем в регулировании международных немежгосударственных отношений. Она проявляется, прежде всего:

– в комплексном исследовании и выявлении особенностей взаимодействия международного и внутригосударственного права в регулировании международных немежгосударственных отношений;

– обнаружении и обосновании закономерностей возникновения межсистемных надотраслевых образований в праве, выявлении их места в структуре права и правовой природы, особенностей транснациональной правосубъектности и источников таких образований, а также специфики механизма их правового регулирования;

– обосновании множественности межсистемных надотраслевых образований, предопределенной различными предметом и методами правового регулирования международных немежгосударственных отношений;

– разработке фундаментальных проблем, связанных с возникновением межсистемных надотраслевых образований, позволяющей восполнить существенные пробелы, обозначившиеся в отечественной науке международного права, общей теории права и отраслевых науках;

– установлении роли норм различных правовых систем в механизме регулирования международных немежгосударственных отношений, определении форм и способов участия норм международного права и права иностранных государств как в регламентации, так и непосредственном регулировании транснациональных общественных отношений на территории России;

– обосновании применимости норм международного права как к регламентации, так и к непосредственному регулированию транснациональных отношений на территории нашего государства;

– определении форм и способов разрешения коллизий между требованиями международно-правовых и внутригосударственных норм, а также норм различных национальных правовых систем между собой, направленных на регулирование и регламентацию международных немежгосударственных отношений;

– выявлении наиболее существенных пробелов в правовом регулировании немежгосударственных отношений и разработке конкретных предложений по совершенствованию международно-правовых документов и нормативно-правовых актов Российской Федерации в этой области.

Указанные обстоятельства дают основание квалифицировать совокупность теоретических положений диссертации как новое крупное научное достижение, как решение серьезной научной проблемы, имеющей важное, с точки зрения юридической теории и практики, значение.

В результате проведенного исследования автором делаются следующие новые или содержащие существенный элемент новизны выводы, выносимые на защиту:

1. Предметом правового регулирования межсистемных надотраслевых образований являются не внутригосударственные, а международные немежгосударственные (транснациональные) отношения. От международных межгосударственных отношений они отличаются по своему субъектному составу (хотя бы одной из сторон здесь всегда является физическое или юридическое лицо), а от внутригосударственных отношений тем, что они всегда отягощены «иностранным (международным) элементом». К числу общепризнанных признаков такого иностранного элемента необходимо добавить делегирование государством своих полномочий международным органам и организациям.

2. Особенностью транснациональных отношений является то, что они не имеют «собственной» правовой системы. Поэтому и в их регламентации, и в их непосредственном регулировании принимают участие и нормы национального права, и нормы международного права, и нормы права иностранных государств. В рамках юридического механизма правового регулирования транснациональных отношений между разносистемными надотраслевыми образованиями (предмет и методы правового регулирования которых совпадает) возникают особые виды устойчивой правовой связи, которые приобретают свое внешнее выражение в виде формирования

межсистемных надотраслевых образований. Базовым нормативным элементом МНО является национальное право.

3. Современное право как таковое по своей структуре представляет собой, прежде всего, совокупность множества национальных правовых систем и самостоятельной правовой системы – международного права. МНО также становятся элементами его структуры, хотя самостоятельными правовыми системами они не являются. Выступая в форме межсистемных правовых связей, МНО обеспечивают взаимосвязанность и взаимозависимость основных элементов права, а также устойчивость всей его структуры в целом. Каждое МНО характеризует устойчивость, взаимосвязанность и взаимозависимость его элементов, что объясняется единым предметом и общими методами правового регулирования, определенным единством самого правового регулирования, являющегося следствием существующей иерархичности норм, как в рамках отдельных правовых систем, так и на межсистемном уровне.

4. Общей особенностью МНО является достаточно широкое применение ими коллизионных и отсылочных норм, признаком зрелого МНО – широкое применение международно-правовых норм для регулирования соответствующих транснациональных общественных отношений, а основой их идентификации – предмет и метод правового регулирования, субъекты регулируемых отношений и частично источники регулирующих норм. В качестве сформировавшихся МНО следует рассматривать международное частное право и международное административное право. В перспективе возможно появление межсистемных межотраслевых образований – международного уголовного права и международного процессуального права, которые сегодня находятся в стадии формирования.

5. С появлением международного административного права, международное частное право больше не является единственным межсистемным надотраслевым образованием. Отсюда следует вывод о том, что МНО есть результат взаимодействия не правовых систем вообще, а именно надотраслевых образований, существующих в рамках каждой из участвующих в регулировании таких отношений правовых систем, и, следовательно, МНО не может быть полисистемным комплексом.

6. Одной из причин неутраченной дискуссии между сторонниками и противниками теории трансформации, спорящими по поводу возможности (или невозможности) прямого регулирования нормами международных

договоров общественных отношений в России, является то, что все они не учитывают разницы между внутригосударственными отношениями и транснациональными, считают все регулируемые нормами международных договоров немежгосударственные общественные отношения внутригосударственными. При этом свою позицию они аргументируют примерами не внутригосударственных отношений (в их чистом виде), а отношений именно транснациональных.

7. В России международно-правовые нормы могут выступать в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений в том случае, если эти нормы в достаточной степени детализированы либо соотносятся с внутригосударственной нормой как специальная норма с общей, либо регулируют отношения, которые не могут быть урегулированы нормами внутригосударственного права в одностороннем порядке, без договора.

8. В России следует принять отдельный, специальный закон «Основы регулирования транснациональных отношений», который бы регулировал весь спектр общих вопросов МНО, независимо от видов таких образований.

9. Формулировка п. 4 ст. 15 Конституции РФ является правотворческой ошибкой, поскольку содержит в себе глубокое внутреннее противоречие: одновременно закрепляет приоритет норм международных договоров над национальными нормами права и прямо противоположный ему тезис о включении общепризнанных принципов и норм международного права в национальную правовую систему России.

10. Правосубъектность напрямую зависит от характера регулируемого общественного отношения, который определяется предметом и методом его правового регулирования, а не правовой природой источника права, в котором содержится регулирующая норма. Факт участия норм иной правовой системы в регулировании общественных отношений не трансформирует их, не превращает эти отношения и их субъектов в отношения и субъектов иной правовой системы. Физические и юридические лица в рамках международных отношений могут быть субъектами только транснациональных отношений, которые, хотя и выходят за пределы юрисдикции государства и в этом смысле рассматриваются как международные, но не являются международными межгосударственными отношениями межвластного характера. Поэтому физические и юридические лица в рамках международных отношений могут обладать только транснациональной, но не международной правосубъектностью.

11. Существующие в международном праве концептуальные подходы в области закрепления прав человека и основных свобод должны быть изменены. От одностороннего закрепления части их правового статуса в виде прав и свобод следует перейти к разработке и принятию общепризнанных стандартов статуса человека в целом, включающего не только права и свободы, но, в частности, и обязанности человека и гражданина. Необходимо также разработать и принять общепризнанные стандарты обязанностей государств по защите прав человека и основных свобод.

12. Международные соглашения, заключаемые субъектами Российской Федерации, являются международными договорами, отвечают его признакам, но не носят межгосударственный характер. По своей правовой природе они являются международными административными договорами.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается, прежде всего, в том, что оно расширило и конкретизировало знание о наиболее общих тенденциях и направлениях регулирования крупной группы общественных отношений, получивших название международных немежгосударственных (транснациональных) отношений. В диссертации нашли свое отражение новые тенденции в регулировании таких отношений, определена правовая сущность межсистемных надотраслевых образований, а также их предметы, методы и механизм правового регулирования.

Обобщения и выводы, сделанные в диссертации, могут быть использованы для дальнейших теоретических разработок и решения существующих проблем в области регулирования международных немежгосударственных отношений, разграничения предметов и методов правового регулирования различных МНО, формулирования принципов их формирования в целом и их отдельных видов. Они также представляются важными для разрешения проблем международной и транснациональной правосубъектности, уточнения представлений о взаимодействии правовых систем в регулировании общественных отношений вообще и международных немежгосударственных отношений в частности.

Ряд положений диссертации сформулирован в постановочном порядке, выдвинут в качестве научных гипотез, и потому работа способна стимулировать дальнейшие теоретические изыскания ученых-международников и представителей иных отраслей юридических знаний. Полученные результаты развивают многие устоявшиеся категории

правоведения, служат универсальным инструментом дальнейшего системного исследования проблем правового регулирования общественных отношений в Российской Федерации в целом.

Состояние неопределенности в теоретических подходах не может удовлетворять потребности законодательной практики. В условиях отсутствия целостной концепции правового регулирования международных немеждоударственных отношений соответствующие законодательные акты, основанные на сущностных противоречиях, часто оказываются неполными и противоречивыми. Существующее положение сказывается и на правоприменительной практике, которая в настоящее время оказалась в значительной мере дезориентированной. От принципиального разрешения общетеоретических проблем зависит научная достоверность всех последующих выводов, а значит – внутренняя гармония законодательных актов и возможность предоставления в распоряжение правоприменителя стройной системы правил, позволяющих им эффективно действовать. В работе сформулированы теоретические выводы и практические рекомендации, которые позволяют разрешить ряд существующих в области регулирования транснациональных отношений противоречий, сделаны предложения по совершенствованию системы их правового регулирования в России, разработке, изменению и дополнению законодательных актов.

Основные концептуальные выводы, содержащиеся в диссертации, могут в одинаковом порядке быть использованы как в научно-исследовательской деятельности, так и в образовательном процессе в высших учебных заведениях, практическими работниками правоохранительных органов и внешнеполитических ведомств Российской Федерации, а также при подготовке и переподготовке судей и должностных лиц, участвующих в соответствующей правоприменительной практике.

Изложенное подтверждает теоретическую и практическую значимость диссертационного исследования в теоретико-доктринальном, правотворческом и правоприменительном аспектах.

Апробация результатов исследования

Результаты диссертационного исследования проверялись и апробировались по нескольким направлениям:

– диссертация подготовлена на кафедре конституционного и международного права Омского юридического института, где проведено обсуждение результатов исследования;

– содержащиеся в диссертации положения и выводы отражены в монографии, учебных пособиях, других опубликованных работах. Всего автором опубликовано более 40 работ по теме диссертационного исследования;

– результаты научного исследования излагались на многочисленных международных, всероссийских, региональных и межвузовских научно-практических конференциях;

– материалы диссертации используются при чтении лекций по международному публичному праву, международному частному праву, проблемам общей теории государства и права и при проведении семинаров по этим дисциплинам в Омском юридическом институте, Омской академии МВД России, юридическом факультете Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Структура работы определяется целями и задачами исследования, а также избранными методами и логикой изложения материала.

Диссертация состоит из введения, трех разделов, объединяющих 6 глав и 14 параграфов, заключения, списка работ, в которых опубликованы основные положения диссертации и списка основной использованной при написании диссертации литературы.

Основные выводы исследования представлены в главах и в заключение диссертации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяется объект, предмет, цели и задачи исследования, дается его методологическая основа, излагаются нормативная и теоретическая базы исследования, определяется его теоретическая и практическая значимость, аргументируется его научная новизна и формулируются положения, выносимые на защиту.

Раздел 1 «Понятие межсистемных надотраслевых образований в праве» состоит из двух глав.

В **первой главе «Предмет и метод правового регулирования межсистемных надотраслевых образований (МНО). Виды МНО»** дается понятие международного частного права (далее – МЧП) и международного административного права (далее – МАП) как межсистемных надотраслевых

образований, создаваемых для регулирования международных немежгосударственных отношений. В ней раскрывается правовая сущность МНО, исследуются вопросы их возникновения, особенности предметов и методов их правового регулирования, рассматриваются их общие и отличительные черты, проблемы взаимодействия правовых систем в механизме регулирования тех общественных отношений, для регулирования которых они созданы.

Первая глава состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе «Место общественных отношений, регулируемых МНО, в системе общественных отношений, регулируемых правом» отмечается, что по предмету и методу правового регулирования все общественные отношения первоначально делились на внутригосударственные и международные отношения.

Долгое время считалось аксиомой, что внутригосударственными отношениями являются отношения между любыми внутригосударственными субъектами, возникающие в пределах территориального верховенства государства. Но в ходе исторического развития, особенно с появлением международного частного права, из внутригосударственных отношений в особую группу все больше стали выделяться общественные отношения, осложненные так называемым «иностранным элементом». В регламентации (т. е. опосредованном регулировании) и непосредственно в регулировании таких отношений (т. е. непосредственном наделении субъектов отношений правами и обязанностями) активную роль стали играть нормы иностранного законодательства и нормы международных соглашений.

Сложившаяся ситуация потребовала обособления тех общественных отношений, регулирование которых относилось бы к исключительной компетенции национального правопорядка, и на совместное урегулирование которых с формальной точки зрения другие государства, а значит и международное право, претендовать уже не могли. Такие отношения составили так называемое «внутреннее дело» государства и оказались тесно связанными с понятием функций государства. Так же, как функции государства принято делить на внутренние и внешние, различают внутригосударственные и внешние предметы регулирования, составляющие внутреннее дело для конкретной страны.

В то же время под внутригосударственными отношениями стали понимать отношения между субъектами национального права, не

отягощенные «иностранным элементом», возникающие и существующие с формальной точки зрения только в пределах территориального верховенства данного государства и регулируемые в рамках его национального правопорядка. К международным же отношениям были отнесены все остальные общественные отношения, т. е. отношения, выходящие за пределы регулирования одного национального правопорядка. В зависимости от предмета и метода правового регулирования, они стали подразделяться на международные межгосударственные отношения и международные немежгосударственные (транснациональные) отношения.

Международные межгосударственные отношения межвластного характера – это отношения между специфическими субъектами, признаваемыми субъектами международного публичного права. Основы правового регулирования таких отношений устанавливаются МПП, для которого эти отношения – главный предмет правового регулирования. Национальное право также участвует в регулировании межгосударственных отношений как таковых, но оно не может устанавливать основы их правового регулирования. Транснациональные отношения – это отношения между внутригосударственными субъектами, но отягощенные «иностранным (или международным) элементом». Именно в силу такого отягощения они и рассматриваются как разновидность международных отношений.

На основе анализа международной договорной и правоприменительной практики в диссертации делается вывод о том, что к общеизвестным признакам «иностранный элемент» следует добавить еще один – делегирование государством своих полномочий международным органам и организациям. Такое делегирование для государств может быть добровольным и прямо выраженным, но может быть и подразумеваемым, а иногда быть результатом не столько воли государства, сколько действия императивных норм международного права.

Специфика транснациональных отношений, по сравнению с международными межгосударственными отношениями межвластного характера, проявляется в их субъектном составе. Одной стороной транснациональных отношений всегда является физическое или юридическое лицо. Второй же стороной могут быть как субъекты национального права, т. е. физические и юридические лица, так и субъекты международного публичного права, т. е. государства и различные международные органы и организации. При этом субъекты международного

публичного права могут выступать в транснациональных отношениях и как юридическое лицо (частноправовые отношения), и как публичный субъект (например, в отношениях административно-правового характера).

В работе подчеркивается, что особенностью транснациональных отношений по сравнению и с внутригосударственными, и с международными межгосударственными отношениями является то, что у них не оказалось «собственной» правовой системы, которая в итоге так и не была создана. Поэтому и в их регламентации, и в их непосредственном регулировании стали принимать участие и нормы национального права, и нормы международного права, и нормы права иностранных государств, в результате чего возник сложный механизм их правового регулирования, что, в конечном счете, привело к формированию соответствующих устойчивых межсистемных образований.

Именно международные немежгосударственные (транснациональные) отношения являются предметом правового регулирования межсистемных надотраслевых образований.

Во втором параграфе «Возникновение международного административного права: предыстория и последствия», опираясь на результаты исследования, диссертант приходит к выводу, что возникновение МНО – процесс объективный.

Право как таковое – это совокупность правовых систем, но не единая универсальная правовая система. Право состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих, но самостоятельных элементов, первичные из которых – национальные правовые системы и международное право. Общими для них являются регулятивный характер содержащихся в них норм, тесная связь этих норм с государственной волей, принципиальное единство понятийного аппарата и другие факторы, которые, тем не менее, не влекут за собой нивелирование их различий. Поэтому, говоря о праве в целом, речь следует вести не о системе права, а о его структуре.

По мнению автора исследования, ныне существующая структура права в своем развитии прошла целый ряд этапов (периодизация которых достаточно условна). Каждый из них добавлял новые характеристики этой структуры в виде нового типа правовых систем или формирования новых относительно стабильных правовых комплексов или образований, которые получали свое наименование и оценку именно как правовое явление. Переход от одного такого этапа к другому, так же как и развитие цивилизации, происходит

толчками и тесно связан с эволюцией общественных отношений и уровнем потребности общества в их урегулировании. Поэтому структурные изменения права как результат исторического развития происходят объективно, независимо от воли людей, хотя субъективный фактор в отдельных случаях может способствовать становлению соответствующих процессов или, наоборот, тормозить их.

Развитие структуры права основывается на общих законах диалектики, в том числе на законе перехода количественного показателя в качественный. В недрах одного исторического этапа всегда зарождаются характеристики последующего этапа, которые, достигнув «критической массы», создают прорыв в виде возникновения новых структурных элементов права и изменения подходов к правопониманию в целом. В то же время каждый новый этап еще долго несет в себе «родимые пятна» прошедшего периода.

С точки зрения автора, разрешение многих существенных вопросов МНО связано с образованием в праве в середине XX в. международного административного права. По его мнению, до этого момента эволюция представлений о структуре права прошла следующие этапы:

1. Появление права и возникновение первых национальных правовых систем.

Право как таковое зарождается еще в рамках первобытно-общинного строя, но свое классическое воплощение оно все-таки получает только с переходом к иной – государственной – организации общества, с возникновением писаных правил поведения, устанавливаемых и обеспечиваемых государством. Поэтому исторически первым было право государств рабовладельческой формации. В этот период своего развития право существовало только в одной своей разновидности – в форме внутригосударственного права. Тем не менее оно уже характеризуется признанием существования множественности национальных правовых систем, формированием (в рамках римского права) представлений о надотраслевых образованиях (понятий публичного и частного права), первыми целенаправленными попытками урегулировать с помощью правовых норм международные (межгосударственные и немежгосударственные) общественные отношения.

2. Возникновение международного права.

В конце эпохи средневековья на карте Европы появляется множество суверенных государств, совершенно независимых друг от друга, которые

стали рассматриваться между собой в качестве равноправных партнеров, в том числе при заключении между ними международных соглашений различного характера. В результате в массовом количестве возникают качественно «новые» международные межгосударственные отношения межвластного характера, которые настоятельно требовали своего урегулирования. Поскольку национальные правовые системы этого сделать не могли, была фактически создана и качественно новая правовая система – международное право. Ее существование долго оспаривалось (слишком необычными были субъекты этого права, его источники, сам процесс создания и обеспечения правовых норм и др.), но к началу XIX в. она получает свое полное признание. Но вскоре появляется новый «возмутитель спокойствия», который мы называем международным частным правом.

3. Возникновение международного частного права.

Как и международное право, МЧП возникает не одномоментно и не на пустом месте. Международные немежгосударственные отношения и зачатки их регулирования существовали и раньше. Но происходящее в XIX в. резкое усиление миграционных процессов людей и капиталов сделало эти отношения массовыми. Новый уровень развития транснациональных отношений повлек за собой и изменение подходов к их урегулированию.

Особенностью этих отношений было то, что они выходили за территориальные пределы действия норм одного государства, не являлись, а часто и не могли являться предметом регулирования одной национальной правовой системы. В результате на их урегулирование претендовало сразу несколько национальных правопорядков, а в дальнейшем еще и международное право.

В результате координационных процессов, возникающих в рамках механизма их правового регулирования, стали складываться межсистемные связи, которые привели к формированию не самостоятельной правовой системы, как это было с межгосударственными отношениями, но новых структурных элементов права – устойчивых межсистемных образований, базовым нормативным элементом которых являлось национальное право каждого отдельного государства.

Первым по времени формирования таким образованием стало международное частное право, предметом правового регулирования которого стали международные немежгосударственные отношения невластного

характера. Его появление внесло значительные коррективы как в представления о праве в целом, так и в вопросы взаимодействия его основных элементов – правовых систем, а также в определение предметов их правового регулирования и др.

К сожалению, на то обстоятельство, что МЧП было призвано регулировать только часть международных немежгосударственных отношений, а именно – имеющих невластный характер, первоначально должного внимания обращено не было. Поэтому значительные изменения представлений о структуре права и МНО произошли после формирования нового межсистемного надотраслевого образования – международного административного права, по своей правовой сущности идентичного МЧП, но имеющего свой «собственный» предмет и метод правового регулирования.

4. Возникновение международного административного права.

Объективный процесс интернационализации хозяйственной жизни уже в первой половине XX в. в массовом порядке вывел на новый уровень многосторонние экономические отношения. Произошло стремительное увеличение объема обмена товарами и услугами, появились новые формы промышленного и научно-технического сотрудничества, множество совместных предприятий, произошло становление института иностранных инвестиций и др.

В интересах международной экономической интеграции государства стали создавать таможенные союзы, зоны свободной торговли, согласовывать правила ввоза и вывоза товаров, пересечения границ физическими лицами, заключать соглашения по правовому регулированию транснационального движения валютно-финансовых потоков, международных расчетов субъектов национального права различных государств, налогообложению иностранных юридических и физических лиц и др.

В результате первоначально в валютной, финансовой, налоговой и таможенной сферах возникают международные немежгосударственные отношения (т. е. отношения все с тем же «иностраным элементом»), но с иными, чем у отношений, регулируемых международным частным правом, качественными характеристиками. Субъектами этих отношений, с одной стороны, стали выступать носители именно публичной власти, как правило, исполнительные государственные органы (таможенные, налоговые и др.), а с другой – иностранные физические и юридические лица, т. е. лица, в отношении которых у публичного субъекта имеются властные полномочия.

При этом методом их правового регулирования становится метод властных предписаний, т. е. административно-распорядительный метод, а не цивилистический, как в МЧП.

К середине 80-х гг. XX в. сформировалось не только соответствующее внутригосударственное законодательство, но и было заключено множество международных договоров, регулирующих подобные отношения.

Возникшая ситуация никак не вписывалась в рамки устоявшихся представлений о разграничении «предметов ведения» между международным публичным и международным частным правом. Каждая из высказываемых на этот «новый» вид общественных отношений точек зрения исходила из незыблемости составляющих элементов права и потому требовала изменения подходов к устоявшимся представлениям о предмете и методе правового регулирования МПП и МЧП, их субъектах, источниках, корректировки содержания практически всех их базисных понятий.

По мнению автора, все дело в том, что во второй половине XX в. явочным порядком произошло формирование нового МНО – международного административного права (МАП).

По аналогии с МЧП его вряд ли следует расчленять по его отдельным самостоятельным составляющим в виде международного налогового, международного финансово-валютного, международного таможенного права и др. У отношений, регулируемых МАП, есть два объединяющих их качества – основной (административно-правовой) метод правового регулирования и единый предмет правового регулирования – международные немежгосударственные отношения властного характера. Международное таможенное, международное валютное, международное финансовое, международное налоговое право и некоторые другие должны рассматриваться как отрасли МАП.

С возникновением МАП автор связывает следующие выводы:

– международное частное право не является единственным межсистемным надотраслевым образованием (и потому не может быть полисистемным комплексом);

– межсистемные надотраслевые образования есть результат взаимодействия не правовых систем вообще, а именно надотраслевых образований, существующих в рамках каждой из участвующих в регулировании таких отношений правовых систем;

– общей особенностью МНО является достаточно широкое применение ими коллизионных и отсылочных норм, только в МЧП они содержатся в основном в национальном праве, а в МАП – в международных договорах;

– межсистемные надотраслевые образования сами могут иметь «собственные» отрасли и институты;

– современное право как таковое представляет собой, прежде всего, совокупность множества национальных правовых систем и самостоятельной правовой системы – международного права. Но между этими разными типами правовых систем объективно формируются самостоятельные и устойчивые образования (МНО), выступающие важными элементами права и даже получившие название «права», хотя самостоятельными правовыми системами они не являются. Основой идентификации этих образований являются субъекты права (регулируемых отношений) и, в определенной мере, источники регулирующих норм, но, прежде всего, это предмет и метод правового регулирования;

– предметом правового регулирования МПП являются международные межгосударственные отношения межвластного характера, предметом правового регулирования МЧП – международные немежгосударственные отношения невластного характера, а предметом МАП – международные немежгосударственные отношения властного характера.

Исходя из современной структуры права, автор формулирует понятие права как такового. По его мнению, право – это совокупность самостоятельных, формируемых государствами систем и межсистемных образований общеобязательных, формально определенных норм, установленных, санкционированных или признаваемых государствами в качестве регуляторов общественных отношений, охраняемых и обеспечиваемых государствами индивидуально или коллективно.

В третьем параграфе «Понятие межсистемных надотраслевых образований и их виды» диссертант, говоря о МНО, констатирует, что в науке (применительно к МЧП) образовалось три взаимоисключающих подхода к пониманию их правовой природы. Одни авторы относят МЧП к системе международного права и считают его либо отраслью международного права в широком смысле слова, либо отраслью только международного публичного права, т. е. международного права в узком смысле этого слова. Другие, наоборот, придерживаются мнения, что МЧП входит в систему внутреннего права каждой страны. При этом одни из них считают МЧП самостоятельной

отраслью национального права, а другие – частью гражданского права. Наконец, третья группа авторов рассматривает МЧП в качестве «полисистемного комплекса» (постоянно существующего или создаваемого произвольно (*ad hoc*), в качестве правоприменительного комплекса). Они относят его частично к международному праву, а частично – к внутригосударственному и считают МЧП своеобразным единым комплексом норм международного и национальных право порядков.

По мнению диссертанта, для понимания сущности МНО как правового явления необходимо, во-первых, обратить внимание на то обстоятельство, что предметом правового регулирования каждого из них, в том числе МЧП, выступает часть транснациональных отношений, общим для которых является отсутствие у них «собственной» правовой системы. В результате их регулирование осуществляется нормами различных правовых систем. При этом неизбежно, и в этом смысле – объективно, происходит формирование специфических межсистемных правовых образований. Во-вторых, само формирование МНО (и МЧП как одной из его разновидностей) происходит там и тогда, где и когда в правовом регулировании общественных отношений возникает конкуренция между право порядками (национальным и международным или между самими национальными право порядками). МНО являются следствием существования множественности правовых систем.

Наконец, третий существенный момент для понимания сущности МЧП состоит в констатации того факта, что любая правовая система характеризуется наличием в ней неодинаковых по содержанию и объему правовых общностей или образований. В частности, такими образованиями, занимающими промежуточное положение между отдельной системой права и ее отраслями, служат специфические структурные элементы – подсистемы или надотраслевые образования. Так, национальное право первоначально подразделяется на право материальное и процессуальное, или, что в данном случае представляет особый интерес, на право публичное и частное. Это не отрасли права и не правовая система в целом. Международное право также имеет надотраслевые образования и так же, как и национальное право, делится на две части – международное публичное и международное частное право. Межсистемные правовые образования, формирующиеся для регулирования транснациональных отношений, есть результат взаимодействия не правовых систем вообще, а этих надотраслевых образований, существующих в рамках каждой из участвующих в регулировании таких отношений правовых систем.

В результате взаимодействия надотраслевых образований, существующих в рамках международной и национальных правовых систем, возникают особые виды устойчивой правовой связи между этими системами. Внешнее выражение эти устойчивые правовые связи приобретают в виде формирования межсистемных надотраслевых образований.

Полемизируя с авторами, высказывающими различные точки зрения на правовую природу МЧП, диссертант приходит на первый взгляд к парадоксальному выводу о том, что все они правы. По его мнению, следует признать существование и национального международного частного права (ч. 3 ГК РФ) как части национального надотраслевого образования (национального частного права), и международного частного права как надотраслевого образования (подсистемы) в международном праве, и МЧП как совокупного межсистемного продукта. Но только не в виде межсистемного комплекса, формируемого только по признаку объединения норм разных правовых систем (иначе для остальных МНО просто не остается места), а в виде совокупности норм таких специфических надотраслевых образований, какими являются частное право в международном праве и частное (международное) право в национальных правовых системах. В силу ограниченности терминологического аппарата все указанные МЧП стали обозначаться единым термином и оказались внешне неразличимыми друг от друга. Отсюда – путаница и бесконечные схоластические споры. Чтобы избежать их, национальное и международное частное право должны получить собственные наименования. Само же название «международное частное право», по мнению автора исследования, должно быть закреплено только за межсистемным надотраслевым образованием.

В число нормативных элементов МНО входят нормы национального права, нормы международного права, признаваемые данным государством или общим международным правом в качестве регулятора соответствующих отношений, и нормы иных национальных правовых систем, легитимно «допущенные» правом государства или нормами международных договоров данной страны к регулированию отношений с «иностранным элементом».

Если для международного права объединяющим базовым элементом служит международное публичное право (а для МПП – общее международное право), то для межсистемных надотраслевых образований такой объединяющий базовый элемент – право каждого отдельного

государства. Отсюда – множественность МЧП и других подобных образований.

С возникновением МНО право по-прежнему делится на самостоятельные независимые правовые системы, но МНО также становятся элементами его структуры и, выступая в форме межсистемных правовых связей, обеспечивают взаимосвязанность и взаимозависимость основных элементов права, а также устойчивость всей структуры права в целом. При этом МНО не представляют собой ни самостоятельных правовых систем, ни примитивного арифметического единства разрозненных разносистемных норм. Это устойчивые образования, отличающиеся, в свою очередь, взаимосвязанностью и взаимозависимостью собственных элементов. Их важнейшими признаками являются определенная целостность, элементный состав, наличие связи между элементами, их взаимодействие, наличие структуры, ее ядра, целей и функций образования в целом. Устойчивость, взаимосвязанность и взаимозависимость элементов МНО (несмотря на то, что они имеют известную самостоятельность) объясняются единым для каждого из них предметом и общими методами правового регулирования, существующей (как в рамках отдельных правовых систем, так и на межсистемном уровне) определенной иерархичностью норм, а также единством материального правового регулирования соответствующих отношений.

По мнению автора исследования, уже сегодня как сформировавшиеся МНО следует рассматривать МЧП и МАП. При этом он определяет международное частное право как межсистемное надотраслевое образование, объективно формируемое на основе национального права отдельных государств в виде совокупности коллизионных и материальных внутригосударственных и международно-правовых норм, направленных на урегулирование международных немежгосударственных отношений невластного характера. Соответственно, под международным административным правом им понимается аналогичное образование, нормы которого направлены на урегулирование международных немежгосударственных отношений властного характера.

Другие подобные образования, такие как международное уголовное право, международное процессуальное право и т. д., находятся в стадии формирования. В диссертации сделан вывод о том, что признаком зрелого МНО является широкое применение международно-правовых норм для

регулирующих соответствующих транснациональных общественных отношений.

Многочисленные споры ученых о том, в рамках каких кафедр должно осуществляться преподавание МЧП, а, следовательно, и других существующих или формирующихся межсистемных надотраслевых (или отраслевых) образований несут на себе отголоски все тех же подходов различных авторов к правовой сущности МЧП. По мнению диссертанта, своеобразность межсистемных надотраслевых образований, специфика регулирования транснациональных отношений требуют создания в каждом юридическом ВУЗе специальной кафедры – кафедры межсистемных дисциплин.

Глава вторая «Механизм правового регулирования транснациональных отношений» посвящена исследованию особенностей комплексного регулирования международными и внутригосударственными нормами международных немежгосударственных отношений, дальнейшей разработке сложившейся в российской науке концепции разрешения коллизий разносистемных норм в процессе такого регулирования, а также вопросам взаимодействия правовых систем в механизме регулирования транснациональных отношений.

Вторая глава состоит из 2 параграфов.

В первом параграфе «Нормы международных договоров в механизме регулирования общественных отношений в России» рассматриваются вопросы приведения в действие международно-правовых норм на территории Российской Федерации. По мнению диссертанта, оно осуществляется в двух формах. Во-первых, это издание внутригосударственного нормативного акта (актов), регулирующего те же вопросы (и, в принципе, таким же образом), что и нормы международного договора. При этом международно-правовые нормы участвуют в регламентации общественных отношений, но непосредственно их не регулируют. Во-вторых, это санкционированное государством применение самих договорных норм в качестве регуляторов общественных отношений, когда они сами по себе наделяют субъектов отношений правами и обязанностями.

По поводу самой возможности выступления международно-правовых норм в качестве регуляторов немежгосударственных общественных отношений в науке международного права общего мнения не сложилось. При

этом как среди сторонников, так и среди противников этой идеи единой общей позиции и аргументации также не было сформировано.

Полемизируя с одними авторами и выражая поддержку точкам зрения других, диссертант приходит к выводу, что непосредственное регулирование нормами международных договоров общественных отношений в России возможно. При этом не происходит какого-либо изменения формы и содержания таких норм, их «трансформации» в нормы внутреннего права, как не происходит и их включения в совокупность правовых норм, образующих национальное право нашего государства. По мнению автора, одной из причин неутраченной дискуссии между сторонниками и противниками теории трансформации является то, что те и другие не обращают внимания на разницу между внутригосударственными и транснациональными отношениями, считая регулируемые нормами международных договоров общественные отношения в России внутригосударственными. При этом они аргументируют свою позицию примерами не внутригосударственных отношений (в их чистом виде), а отношений именно транснациональных.

В ходе исследования диссертант приходит к выводу о том, что в России международно-правовые нормы могут выступать в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений, как правило, только в том случае, если эти нормы отвечают следующим требованиям:

- они в достаточной степени детализированы;
- они либо соотносятся с внутригосударственной нормой как специальная норма с общей (т. е. не устанавливают основ правового регулирования данных общественных отношений), либо регулируют отношения, которые не могут быть урегулированы нормами внутригосударственного права в одностороннем порядке, без договора.

Во втором параграфе «Вопросы взаимодействия правовых систем в механизме регулирования транснациональных отношений. Разрешение коллизий норм международных договоров и норм национального законодательства» диссертант, в соответствии с выдвигаемой им концепцией МНО, приходит к выводу, что в механизме правового регулирования транснациональных отношений в территориальных пределах каждого государства принимают участие нормы различных правовых систем. При этом транснациональные отношения могут регулироваться как исключительно нормами российской правовой системы, так и нормами двух, трех и более правовых систем.

Говоря о взаимодействии в рамках такого механизма внутригосударственного права различных стран, диссертант делает заключение, что приведение в действие норм иностранного права осуществляется в двух формах. В одних случаях (например, в силу коллизионных норм) нормы права иностранного государства сами могут выступать в качестве регуляторов транснациональных общественных отношений. При этом они включаются в механизм правового регулирования применяющего их государства. В других случаях при формулировании соответствующих национальных норм происходит только учет характера регулирования односторонних отношений в иностранном государстве или самого факта установления в нем определенных правил. При этом нормы права других государств как бы подключаются к правовой регламентации, но непосредственно в правовом регулировании транснациональных отношений участия не принимают.

Применение в России (на основании коллизионной нормы внутреннего законодательства или международного договора) того или иного положения иностранного права осуществляется по отношению к более узкому кругу общественных отношений, по сравнению с теми, которые регулируются соответствующими внутригосударственными нормами нашего государства. Таким образом, подобные нормы иностранного внутригосударственного законодательства при их применении в качестве регуляторов общественных отношений в России соотносятся с нормой российского права как специальная норма с общей нормой.

В механизме правового регулирования транснациональных отношений, по мнению соискателя, активное участие принимают и международно-правовые нормы, причем как опосредованно, так и выступая в качестве непосредственных регуляторов соответствующих отношений.

В том случае, когда для приведения в действие требований соответствующих международно-правовых норм государство издает внутригосударственный нормативно-правовой акт, регулирующий тот же вопрос, что и международный договор, проблемы коллизии между договорной нормой и нормой российского права возникать не должно, иначе это будет свидетельствовать о невыполнении государством своих международных обязательств. В том случае, когда в качестве регулятора транснациональных общественных отношений применяются сами международно-правовые нормы, возможность прямых коллизий между нормами закона и договора сохраняется.

Здесь преимущество в применении имеют нормы международного договора. Но рассматривать проблему таких коллизий следует не в плане общего «примата» международных норм над внутригосударственными, а так же, как и при коллизии с нормой иностранного права, в плане расхождения между общей и специальной нормами, регулирующими однородные общественные отношения.

В Разделе 2 «Субъекты отношений, регулируемых МНО» рассматриваются вопросы правового статуса субъектов транснациональных отношений. Он состоит из двух глав.

Третья глава «Физические и юридические лица как субъекты отношений, регулируемых МНО» посвящена наиболее острым и дискутируемым проблемам статуса этих обязательных субъектов транснациональных отношений. Это проблема международной и транснациональной правосубъектности физических и юридических лиц, особенности закрепления общего статуса человека в международном праве, а также принципы правового регулирования общего статуса иностранных граждан в России.

Третья глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Проблема международной правосубъектности физических (и юридических) лиц» анализируются различные точки зрения, высказанные в российской науке на признание физических и юридических лиц субъектами международного права. Этот вопрос, по мнению автора исследования, имеет принципиальный характер, поскольку в случае своего положительного решения потребовал бы кардинальных изменений в общей теории международного права, в том числе на уровне самих основ, устоев этой правовой системы.

На основе критического анализа многочисленных суждений, высказанных в литературе по этому поводу, диссертант приходит к выводу, что индивиды и юридические лица не являются субъектами международного права. Свою позицию он обосновывает следующим.

Во-первых, как сторонники, так и противники международной правосубъектности индивидов при определении характера регулируемого отношения, субъекта правоотношения и субъекта права единодушны и отталкиваются от характера источника, в котором содержится регулирующая правовая норма. В основе рассуждений и сторонников, и противников международной правосубъектности индивидов лежит один и тот же тезис. По

их мнению, любое общественное отношение, урегулированное непосредственно нормой международного договора, автоматически трансформируется в международно-правовое отношение, а их субъекты становятся субъектами международного (публичного) права. По мнению диссертанта, характер регулируемого отношения определяется предметом и методом его правового регулирования, а не природой источника права, в котором содержится норма, регулирующая данное общественное отношение. Нормы иной правовой системы (иной отрасли права) могут быть допущены к регулированию соответствующих общественных отношений, могут определять права и обязанности субъектов таких правоотношений. Но факт участия норм иной правовой системы (иной отрасли права) в регулировании таких общественных отношений не трансформирует их, не превращает эти отношения и их субъектов в отношения и субъектов иной правовой системы (или иной отрасли права).

Во-вторых, все авторы, пишущие на тему международной правосубъектности индивидов и юридических лиц, опускают тот факт, что международное право часто понимается как в широком, так и узком смысле (когда под международным правом понимается только МПП). На практике, говоря о международной правосубъектности индивидов и юридических лиц, они, в основном, спорят о том, выступают ли эти лица субъектами МПП, но сами при этом оперируют ссылками на те отношения, которые, хотя и регулируются международным правом, но не являются межгосударственными отношениями. МПП – это только часть международного права как системы правовых норм. Само международное право участвует в регулировании не только межгосударственных отношений, но и отношений транснациональных. И те, и другие являются видами отношений одной группы – международных отношений, но, несмотря на такое терминологическое единство, их правовая природа различна. В то же время, с формально-терминологической точки зрения (поскольку и те, и другие отношения являются международными), получается, что субъекты и тех, и других отношений обладают международными правами и обязанностями. Но права и обязанности субъектов МПП и права и обязанности индивидов, выступающих субъектами транснациональных отношений, – вещи разные. Так сложилось, что мы используем применяемый только к тем и другим отношениям единый обобщающий термин «международные», но это не означает их тождества.

Автор исследования приходит к выводу, что физические и юридические лица в рамках международных отношений могут быть субъектами только транснациональных отношений, которые, хотя и выходят за пределы юрисдикции государства и в этом смысле рассматриваются как международные, не являются международными межгосударственными отношениями межвластного характера, т. е. предметом правового регулирования МПП.

Выводы сторонников международной правосубъектности физических и юридических лиц основываются также на том, что они (опять же) делят все общественные отношения только на международные отношения, под которыми понимают исключительно межгосударственные отношения, и отношения внутригосударственные, как бы «забывая» о существовании транснациональных отношений. По мнению автора исследования, физические и юридические лица в рамках международных отношений могут обладать только транснациональной, но не международной правосубъектностью.

Кроме того, автор делает вывод, что, поскольку у транснациональных отношений нет собственной правовой системы, и в их регулировании принимают участие нормы различных правовых систем, понятия «субъект права» и «субъект правоотношения» здесь не всегда совпадают. О полном совпадении этих понятий можно говорить только в рамках регулирования одной правовой системы.

Второй параграф «От прав и свобод человека и гражданина к его статусу: необходимость изменения концептуальных подходов» посвящен проблеме закрепления в международном праве общего статуса физических лиц.

Диссертант отмечает, что часть их общего правового статуса в виде фундаментальных прав и свобод человека нашла свое закрепление в международном праве. Само такое закрепление прошло несколько этапов, но каждый из них имел общий концептуальный подход в том смысле, что для достижения главной цели единое понятие статуса человека было искусственно расчленено. Из него была выделена только одна часть – права и свободы, в ущерб другим составляющим этого понятия, прежде всего, обязанностей человека. Такой концептуальный подход в конкретных исторических условиях принятия соответствующих международных документов был оправдан.

Сегодня поставленная задача выполнена и ситуация коренным образом изменилась: время борьбы за само признание (нормативное закрепления этого признания) на международной арене прав человека и основных свобод прошло. Теперь не нужно доказывать то, что и так является общепризнанным. Диссертант обосновывает положение о том, что пришло время менять акценты, концептуальные подходы к регламентации соответствующих вопросов. Объективные и субъективные причины искусственного вычленения из статуса человека только его прав и свобод отпали. Оправданный в конкретных исторических условиях концептуальный подход одностороннего закрепления элементов статуса человека становится неоправданным в современных условиях. Сформулированные в международных документах возможность ограничения со стороны государства предоставляемых человеческому индивиду прав и свобод и призывы к их самоограничению представляются автору исследования недостаточными. По его мнению, сегодня необходим переход к новому этапу – разработке и принятию общепринятых мировых стандартов статуса человека, включающего в свое содержание не только права и свободы, или, скажем, принципы формирования этого статуса, или гарантии провозглашенных прав и свобод, но и обязанности человека и гражданина. В числе таких обязанностей предлагается закрепить положения о том, что каждый человек обязан исполнять существующие законы, уважать права других членов общества, подчиняться законным требованиям представителя власти и т. п.

Одностороннее закрепление только части правового статуса человека в виде его прав и основных свобод не может продолжаться бесконечно. В противном случае это неизбежно приведет к другой крайности – представлению о правах и свободах как о вседозволенности. Любые попытки пресечения злоупотреблений предоставленными правами начнут рассматриваться (и часто уже рассматриваются) чуть ли не как противоправные ограничения самих этих прав и свобод. Диссертант предлагает взять за образец Конституцию России, в которой, в частности, зафиксированы не только права человека и гражданина, но и их обязанности. Такие, например, как обязанность беречь памятники истории и культуры, охранять природу, платить законно установленные налоги и сборы, соблюдать Конституцию и основные законы, заботиться о детях и нетрудоспособных родителях и т. д.

В диссертационной работе отмечается, что вопрос о закреплении в международном праве не только прав и свобод, но и обязанностей человека, не является умозрительным или чисто теоретическим. Так, если в национальном праве закреплена повышенная юридическая защита полицейского, то в международно-правовой области таких норм практически нет. Автор приходит к выводу о том, что права полицейского не закреплены в международном праве потому, что им должен корреспондировать целый ряд обязанностей рядовых граждан, который в международном праве нормативно не закреплён.

Диссертант полагает, что следует также разработать и принять общепризнанные стандарты обязанностей государства по защите прав и свобод человека. Им предлагается включить в единый документ соответствующие обязанности государств, как уже сформулированные в разрозненных универсальных международных документах, так и отсутствующие в них. По мнению автора исследования, среди таких обязанностей можно было бы указать обязанность возмещения вреда, причиненного незаконными действиями государственных должностных лиц, обязанность ознакомления с документами, непосредственно затрагивающими права и свободы каждого, обязанность информации о состоянии окружающей среды и т. д.

Параграф третий «Принципы правового регулирования общего статуса иностранных граждан» посвящен рассмотрению основополагающих начал, положенных в основу формирования и регулирования правового статуса одного из основных субъектов международных немежгосударственных отношений – иностранных граждан.

В работе отмечается, что явления, рассматриваемые в литературе в качестве видов правовых режимов иностранных граждан, представляют собой:

- либо принципы их общего правового статуса (принцип национального режима);
- либо принципы специального правового статуса определенной категории иностранных граждан (принцип наибольшего благоприятствования);
- либо заменяющие принцип национального режима дискриминационный принцип или принцип установления особых привилегий;

– либо изменение конкретной совокупности принципов правового положения иностранных граждан применительно к их различным категориям и (или) различным отраслям правового регулирования.

В силу этого автор исследования делает вывод о том, что так называемые виды правовых *режимов* иностранных граждан не отражают ни самой совокупности прав и обязанностей этих лиц, ни особенностей их правового положения в государстве пребывания в целом.

Принципы правового положения иностранных граждан в целом тождественны основным принципам правового положения личности в нашем государстве за исключением одного из них – принципа равенства. На уровне иностранных граждан он одновременно проявляется в трех взаимосвязанных, но самостоятельных принципах:

– в национальном принципе, направленном, прежде всего, на установление равенства иностранных граждан с гражданами России;

– в принципе осуществления межгосударственной взаимосвязи, направленном, прежде всего, на установление (в пределах возможного) равного правового положения иностранных граждан в России и граждан Российской Федерации за рубежом;

– в принципе равенства иностранных граждан перед законом, направленном, прежде всего, на установление юридического равенства самих иностранных граждан, находящихся на территории России, между собой.

Диссертант подчеркивает, что только эти три принципа, появляясь на уровне правового регулирования положения иностранных граждан в Российской Федерации, относятся к их общему правовому статусу. Исходя из принадлежности иностранных граждан к той или иной категории, Россия предоставляет отдельным группам иностранных граждан специальные права (режим наибольшего благоприятствования) или устанавливает для них дополнительные обязанности. Однако такое «неравенство» проявляется только на уровне специальных (групповых) и индивидуальных правовых статусов иностранных граждан. По мнению автора исследования, их установление применительно к общему правовому статусу иностранных граждан означало бы нарушение принципа юридического равенства.

Глава четвертая «Государство как субъект отношений, регулируемых МНО» посвящена рассмотрению вопросов правосубъектности государств как участников транснациональных отношений, поскольку в такие отношения

государства могут вступать и как публичный, и как частный субъект, как государство в целом, так и в своей части, в виде субъектов федерации.

Четвертая глава состоит из 2 параграфов.

В первом параграфе «Международная правосубъектность федеративных государств и членов федерации» отмечается, что вопросы международной правосубъектности субъектов федерации нуждаются в некотором переосмыслении. Общепринятым на сегодня считается мнение о том, что субъекты федерации могут обладать признаками государственности, но не могут рассматриваться как государства, поскольку утрачивают суверенитет. В федеративных государствах субъектом международного (публичного) права является федерация в целом, а члены федерации могут вступать в международные межгосударственные отношения только в пределах, установленных самой федерацией, если, конечно, такие полномочия субъекту федерации вообще предоставляются.

Однако в ходе исследования диссертант приходит к выводу, что при определенных условиях субъекты федерации все-таки могут обладать ограниченной международной правосубъектностью, быть *производными* субъектами международного права, давно известными как категория. При этом их международная правосубъектность является ограниченной, носит производных характер, но как таковая все-таки может существовать, так же, как, например, существует международная правосубъектность у международных организаций или у конфедераций. В то же время правосубъектность производных субъектов международного права не идентична международной правосубъектности государств, поскольку не проистекает из государственного суверенитета.

Одновременно в диссертации отмечается, что между понятиями «суверенитет» и «исключительные права» существует значительное различие. Так, суверенитет государства заканчивается на линии внешней границы территориальных вод, т. е. на линии границы государства, но в прилегающей зоне, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе существуют признаваемые международным правом исключительные права прибрежного государства. Таким образом, на эти территории продолжает частично распространяться его юрисдикция.

Отсутствие у субъектов федерации суверенитета не означает невозможности для них заключения международных соглашений. В ходе исследования автор приходит к выводу, что международные соглашения

субъектов РФ все-таки представляют собой именно международные договоры, пусть и со своей спецификой: это международные, но немежгосударственные договоры. То, что формально право заключения международных договоров субъектам нашей федерации не предоставлено, не соответствует фактическому положению, фактически предоставленным им правам.

С другой стороны, соглашения, заключаемые субъектами федерации, не могут приравниваться к межгосударственным (межправительственным, межведомственным) международным договорам, поскольку их правосубъектность не идентична правосубъектности государств и они не могут выступать в роли суверена. Диссертант приходит к заключению, что по своей сути эти соглашения являются административными договорами, осложненными «иностранным элементом», и предлагает рассматривать их как международные административные договоры.

Во втором параграфе «Теории абсолютного и «функционального» иммунитета государств и необходимость изменения концептуальных подходов к ним в российском законодательстве» рассматриваются вопросы, связанные с признанием существования судебных иммунитетов государств, в частности, при рассмотрении споров, возникающих в рамках регулирования МЧП и МАП. В диссертации критикуется позиция сторонников абсолютного иммунитета государств и обосновывается необходимость полного законодательного перехода России на позиции так называемого «функционального» иммунитета. Таким образом, в рамках МЧП никаких особых иммунитетов у государства как участника соответствующих отношений быть не должно. В то же время в рамках МПП и МАП, поскольку речь идет об отношениях публичного порядка, такие иммунитеты должны продолжать существовать.

В диссертации делается вывод о том, что для России вопрос о переходе к концепции ограниченного иммунитета давно назрел и определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Автор поддерживает идею о том, что наиболее безболезненным способом окончательного решения этой проблемы могло бы стать принятие Федерального закона РФ «Об иммунитетах иностранных государств».

Раздел 3 «Источники межсистемных надотраслевых образований» посвящен рассмотрению основных теоретических проблем, связанных с определением источников МНО, формируемых как в рамках

международного, так и национального права и их особенностей. Раздел состоит из двух глав.

В главе пятой «Международные договоры как источники МНО» исследуются проблемы формирования источников МНО, связанные с участием в регулировании транснациональных отношений норм международного права. В ней также уделяется внимание проблеме признания различных видов договоров с участием государства в качестве источников правовых норм, регулирующих транснациональные отношения.

Пятая глава состоит из двух параграфов.

Параграф первый «Пункт 4 ст. 15 Конституции России: проблемы теории и практики» посвящен проблеме признания общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров России частью российской правовой системы.

Первоначально диссертант обращается к общим вопросам соотношения англосаксонской и романо-германской правовых семей. В частности, им отмечается разный подход этих правовых семей к нормам общего международного права и международным договорам. Государства англосаксонской правовой семьи не делают различий между национальной правовой системой и системой правового регулирования, существующей в государстве. Все применяемое право для них представляется однородным. Поэтому нормы международных договоров рассматриваются их доктриной как часть права соответствующего государства. При этом на все нормы, принимающие участие в регулировании общественных отношений в стране, вне зависимости от их правовой природы, в равной мере распространены общие принципы построения правовой системы. В частности, принцип «последующий по времени нормативный акт отменяет предыдущий». Так, в случае издания внутреннего акта, противоречащего уже действующему международному договору, применению судом подлежит именно национальный закон, как более поздний по принятию. Таким образом, в вопросах правоприменения они не признают преимущества норм международных договоров над национальным законодательством. Некоторое изменение в этих подходах наблюдается только в последние годы.

Государства континентальной системы права, допуская, в силу отсылочных норм, нормы международных договоров в качестве регуляторов транснациональных общественных отношений, фактически не рассматривают их как часть своего национального права, своей

национальной правовой системы. Не отрицая самой возможности реального участия международно-правовых норм в регулировании таких отношений, эти государства считают, что нормы международных договоров остаются нормами иной – международной – правовой системы, а следовательно, не входят в национальную правовую систему. Единственной нормативной составляющей национальной правовой системы для них являются только нормы национального права.

В диссертации акцентируется внимание на том, что такое выделение международно-правовых норм в отдельный комплекс позволяет этим государствам без нарушения целостности национальной правовой системы установить приоритет норм одной правовой системы над другой. При этом речь идет не об иерархической подчиненности норм единого правового поля, в том виде, в каком она существует в рамках национального законодательства, а именно о преимуществе норм одной – международной – правовой системы, правомерно ставших обязательными для данного государства, над нормами другой – национальной – правовой системы.

Это позволяет автору утверждать, что п. 4 ст. 15 Конституции РФ содержит в себе глубокое внутреннее противоречие. Он одновременно закрепляет, с одной стороны, одну из основ континентальной правовой семьи – преимущество норм международных договоров над национальными нормами права, а с другой – прямо противоположный тезис англосаксонской правовой семьи – объявляет и национальные, и договорные нормы единым правовым полем, включая нормы международных договоров в национальную правовую систему. Если принять буквально положение о том, что нормы международных договоров являются частью нашей правовой системы, то следует изменить и наши представления о действии источников права во времени. Принятые в последующем национальные нормативные акты по тому же вопросу, по логике вещей, в случае коллизии с договорной нормой должны изменять правовое регулирование общественных отношений, как это существует в странах англо-саксонской правовой семьи. На самом деле этого не происходит.

Автор подробно рассматривает историю возникновения этого парадокса. По его мнению, здесь Россией, как и многими другими государствами, за образец была взята ст. 25 Основного закона Германии. Поскольку Конституция Германии разрабатывалась и принималась под сильным влиянием оккупационных сил, и в частности США, то, по мнению

диссертанта, именно они привнесли в разрабатываемый проект Конституции Германии – государства с принципиально другой (континентальной) правовой системой – один из элементов своей правовой системы – включение в национальную правовую систему норм международного права. В результате возник симбиоз, созданный из основополагающих, но взаимоисключающих тезисов двух разных правовых семей.

Кроме того, при принятии ст. 25 Основного закона ФРГ не было принято во внимание то, что ни в международном праве, ни в национальном законодательстве какого-либо государства на тот момент не существовало, как не существует и сегодня, ни определения, ни конкретного перечня этих самых «общих норм международного права». Об общепризнанных нормах и принципах международного права, как отмечается в работе, даже сегодня можно говорить только как о правовом явлении, находящемся на начальной стадии своего становления и развития. Поэтому за внешней привлекательностью и даже политической эффектностью приведенной формулировки Основного закона ФРГ, как и п. 4 ст. 15 Конституции России, скрывается юридическая фикция.

В диссертации акцентируется внимание еще на одном обстоятельстве: Основной закон ФРГ принимался в условиях перехода от тоталитарного (фашистского) политического режима к демократическому политическому режиму, когда закрепление демократических ценностей приобретает особую остроту. Если стрелка барометра политического режима была сильно отклонена в одну сторону, при изменении ситуации почти неизбежно стремление до максимума отклонить ее в другую. Этот «фактор перехода» стал определяющим и для других стран континентальной системы права, воспринявших указанную формулировку. Так, Конституция Австрии была принята в той же исторической ситуации, что и Основной закон ФРГ. Конституция Греции была принята сразу после падения режима военной диктатуры «черных полковников», Конституция Испании – после конца диктаторского режима генерала Франко, Конституция Португалии – после свержения фашистского режима и т. д. Попав в сходную ситуацию, они, в условиях неуверенности, недооценки, а часто и простого игнорирования собственного понятийного аппарата, воспринимали положения ст. 25 Основного закона ФРГ в качестве «опробованного временем образца» при разработке соответствующих положений собственных конституций. В других странах с континентальной системой права, где принятие новых конституций

не сопровождалось существенным изменением политического режима, несмотря на то, что их конституции также были приняты в послевоенное время, формулировки, подобные ст. 25 Основного закона ФРГ, отсутствуют. Конституция Российской Федерации, как и конституции других бывших стран «социалистического лагеря», также принималась в условиях перехода от авторитарного к демократическому политическому режиму. После своего принятия она, в свою очередь, стала образцом для конституций целого ряда других государств, возникших на постсоветском пространстве.

В диссертации отмечается, что субъективное привнесение в правовую систему одной правовой семьи «инородных» основ другой объективно породило серьезные проблемы и в теории, и в правоприменительной деятельности. Результаты проведенного исследования позволили автору сформулировать вывод о том, что формулировка п. 4 ст. 15 Конституции РФ является правотворческой ошибкой и тезис о включении общепризнанных принципов и норм международного права в национальную правовую систему России следует исключить из Конституции.

Параграф второй «Договоры с участием государства. Общетеоретические проблемы административного договора» в основном посвящен различным видам договоров государства, нормы которых в той или иной мере принимают участие в регулировании транснациональных отношений. При этом основное внимание уделено малоисследованному в науке вопросу – административным договорам, их содержанию и правовой природе.

С точки зрения диссертанта, основная проблема здесь заключается в том, что те немногочисленные авторы, которые обратились к административному договору, его правовой сущности как предмету исследования, в целом исходя из верных посылок, в финале постоянно приходят к взаимоисключающим выводам.

Сложившаяся ситуация, прежде всего, связана с тем, что большинство авторов вкладывает в понятие «административный договор» различное содержание, поскольку при этом отталкиваются от разных характеристик тех договоров, которые не являются гражданско-правовыми договорами в их чистом виде. В качестве таких отправных основ диссертант называет, во-первых, нормативный договор, в том числе как источник права, во-вторых, публичный договор и, в-третьих, соглашение с участием государства.

В работе отмечается, что все соглашения с участием государства можно условно разделить на две категории: международные соглашения и административные соглашения.

По своей природе международные соглашения, в свою очередь, можно разделить на международные договоры и международные контракты.

Заключая международные договоры, государства выступают как публичные субъекты, осуществляющие свои полномочия в области реализации своих суверенных прав в осуществлении *внешних* государственных функций. Предметом их правового регулирования часто являются транснациональные отношения. Отличие международного договора (соглашения) от гражданско-правового договора идет по предмету правового регулирования (международные отношения), по субъектам, его заключающим, и по тому факту, что международный договор – не индивидуальный правовой акт, поскольку является нормативным договором. От административных договоров международные договоры отличает, во-первых, то, что заключающие их стороны осуществляют свои полномочия в области реализации не публичной власти вообще, а государственного суверенитета в области внешних отношений. Во-вторых, международные договоры отличает всегда существующее формальное равенство заключающих его субъектов, автономия воли сторон, свобода заключения договоров и др. То есть по методу правового регулирования такие соглашения сходны с гражданско-правовым договором.

Международные контракты – соглашения, заключаемые властными органами (публичными субъектами) одного государства с физическими или юридическими лицами другого государства. Предмет международного контракта носит гражданско-правовой (в широком смысле этого слова) и/или административно-правовой характер. До настоящего времени в науке не сложилось единого мнения о юридической природе таких контрактов. Одни авторы отрицают их административную природу, считая их исключительно соглашениями гражданско-правового порядка, другие пошли по пути полного отрицания гражданско-правовых составляющих подобных контрактов и рассматривают их как разновидность административных актов.

По мнению диссертанта, международный контракт не является ни гражданско-правовым договором, ни внешнеэкономической сделкой, ни административным актом. Это контракт публичного субъекта и частного лица, регулирующий отношения с так называемым «иностранным элементом».

У международного контракта и гражданско-правового договора действительно есть много общего, но между ними есть и существенные отличия. Это, прежде всего:

- особый порядок заключения международного контракта;
- присутствие в регулируемых контрактом отношениях так называемого «иностранного элемента»;
- комплексный характер регулирования отношений, возникающих на основе контракта;
- наличие в контрактах условий, которые во внутригосударственных сделках, как правило, не упоминаются (использование иностранной валюты, условия конфиденциальности, оговорка о применимом праве, арбитражная оговорка, особый порядок вступления в силу и др.);
- особый порядок рассмотрения споров.

Отличие международного контракта от внешнеэкономической сделки, по мнению автора исследования, идет по следующим направлениям:

- контракт заключается не частными лицами. Одной его стороной всегда выступает публичный субъект – государство или орган, действующий от имени государства в рамках делегированных полномочий. Это признак является определяющим;
- контракт может содержать отступления от законодательства, например, в налоговой, таможенной и других сферах, в том числе такие, которые не предусмотрены международными договорами. В частности, в договорах об иностранных инвестициях по так называемой «дедушкиной оговорке» второй стороне государством могут предоставляться дополнительные права в налогообложении, по сравнению с иными физическими или юридическими лицами. Частные лица подобных отступлений от требований законодательства своим контрагентам предоставить не могут;
- уже на стадии заключения контракта при формальном равенстве сторон всегда присутствует фактическое неравенство: от формально признаваемых привилегий государства (решение вопроса о применяемом праве) до особых прав публичного субъекта, заранее «предусмотренных» законодательством соответствующего государства. Последние могут включать преимущества и особые полномочия публичного субъекта по изменению или прекращению договора, дополнительному контролю над его исполнением контрагентом, особый характер и процедуру наложения санкций, особенности в рассмотрении споров и др.

Сравнивая международный контракт с международным договором, диссертант отмечает, что общим для них является то, что они заключаются между субъектами из разных стран и регулируют отношения, выходящие за пределы одного государства. При этом один из субъектов контракта – публичный субъект – реализует свои особые полномочия именно в области внешних государственных функций. Но международные контракты – это не международные договоры. Их характеристики не совпадают ни по субъектам, ни по источникам регламентации, ни по характеру регулируемых отношений.

В диссертации сделан вывод о том, что международный контракт, являющийся соглашением с участием государства, тем не менее, нельзя считать ни нормативным, ни публичным договором. По своей правовой природе он должен быть отнесен к сфере правового регулирования не МЧП, а МАП.

При заключении административных соглашений публичный субъект реализует свои полномочия на заключение договоров, предмет которых не выходит за пределы внутригосударственных отношений. По своей природе административные соглашения можно подразделить на административные договоры, административные контракты и административные пакты.

Диссертант определяет административные договоры как соглашения, заключаемые между публичными субъектами государства, когда обе стороны выступают как субъекты, реализующие полномочия по выполнению внутренних государственных функций. Это позволяет сделать вывод о том, что все административные договоры – это публичные договоры. В тех случаях, когда они выступают формой закрепления норм права, административные договоры являются нормативными договорами. Однако, являясь публичными договорами, не все административные договоры считаются нормативными.

Как источник права административный договор не получил до настоящего времени широкого распространения. Во многом это связано с отсутствием общей регламентации вопросов его заключения, исполнения и прекращения. В то же время административные договоры все чаще выступают в качестве одной из форм регулирования государственно-управленческих отношений.

В диссертации отмечается, что административные договоры не являются исключительной прерогативой административного права. Они выступают (могут выступать) источниками и иных отраслей публичного права, где существуют властные отношения между субъектами.

Административный договор обычно не обеспечен судебной защитой и неисполнение одной или обеими сторонами взятых на себя обязательств не влечет применения имущественных санкций. Тем не менее, за нарушение административного договора возможно не только применение мер дисциплинарного взыскания или наказания общественного, политического характера, но и мер воздействия материального, финансового плана.

Административные контракты – это соглашения, заключаемые между публичными субъектами одного государства с гражданами и юридическими лицами этого же государства. Это и государственные контракты на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, и контракты с военнослужащими, и контракты с государственными служащими, и контракты в области природопользования, управления федеральным имуществом, осуществления инвестиционного налогового кредита, охраны органами внутренних дел народно-хозяйственных и культурных объектов и др.

В диссертации подчеркивается, что в отличие от административных договоров административные контракты не могут быть ни публичными, ни нормативными.

Административные контракты крайне многообразны. Но всех их объединяет субъектный состав и их юридическая двойственность. Такая двойственность проявляется, прежде всего, в сочетании договорных начал и административно-правового регулирования. Так, по мнению автора исследования, в основе правовой регламентации всех этих контрактов лежат гражданско-правовые нормы, в широком их понимании, т. е. включающие не только обязательственное право, регулируемое ГК РФ, но и соответствующие нормы трудового и даже семейного права. Однако в рамках других отраслей права в ходе регулирования с помощью договорных начал общественных отношений, основанных на власти и подчинении, нормы конституционного, административного, финансового, природоресурсного, земельного и других отраслей права приобретают по отношению к этим основам характер специальных норм. Поскольку специальные нормы имеют преимущество перед нормами общего порядка, можно говорить о том, что нормы именно этих отраслей составляют нормативную базу соответствующих административных контрактов. Нормы же гражданского (трудового, семейного) права продолжают действовать только в той части, в какой они не противоречат этим специальным нормам.

Констатируя это, автор исследования отмечает, что все попытки урегулировать эти отношения исключительно с помощью гражданского или административного права приводят только к возникновению новых юридических сложностей.

Изменение подходов в правовом регулировании объясняется тем, что гражданско-правовые договоры и административные контракты регулируют разные общественные отношения.

В диссертации подчеркивается, что двойственность административных контрактов проявляется и в другом. В них сочетается на первый взгляд несочетаемое: формально-юридическое равенство контрагентов при наличии у одного из них – государственно-властного участника – особых полномочий. Причем сами эти особые полномочия носят не договорный характер. Они заранее установлены законодательством, т. е. односторонними властными велениями того же государства.

В диссертации также рассматриваются общие и отличительные черты административного контракта и индивидуального административно-управленческого акта, административного контракта и гражданско-правового договора.

Административные пакты определяются в диссертации как соглашения, одной стороной которых выступает публичный субъект, а другой – субъект, не являющийся публичным по формальным признакам, но занимающий заметное место в общественной или политической системе государства, субъекта федерации или даже муниципального образования. По мнению автора, именно по этому признаку такой субъект может быть выделен публичным субъектом из числа иных юридических лиц, в том числе и как контрагент по административному соглашению. Это могут быть политические партии, общественные движения, профсоюзы, церковь и др. В основном, административные пакты носят не столько нормативный, сколько политический, политико-социальный характер.

Своеобразное промежуточное положение, по утверждению автора, занимают международные соглашения, заключаемые субъектами Российской Федерации. Они отвечают признакам международного договора, но не носят межгосударственного характера, поскольку субъекты федерации – не суверенные образования. Они отвечают признакам административного договора, но отличаются от него тем, что всегда осложнены «иностранным элементом» (заключаются между публичными субъектами из разных стран).

Автор исследования вновь приходит к выводу, что по своей правовой сущности соглашения, заключаемые субъектами Российской Федерации, являются международными административными договорами.

Глава шестая «Источники МНО в Российской Федерации» посвящена рассмотрению теоретических проблем, связанных с определением применительно к России понятия источников МНО, их видов и действия национальных нормативно-правовых актов, регулирующих транснациональные отношения в пространстве.

Глава состоит из двух параграфов.

В параграфе первом «Виды источников МНО в Российской Федерации» автор исходит из двойственности источников межсистемных надотраслевых образований. В качестве таковых, по его мнению, следует рассматривать и источники международного права, и источники национального права.

В диссертации указывается, что такой подход нельзя считать общепринятым. Так, ряд специалистов, в основном в области МЧП, отрицают в источниках международного права характер источников МНО. В качестве таковых они рассматривают только те юридические формы, которые характерны исключительно для национального права. Другая группа авторов, признавая за международными договорами и обычаями как таковыми статус источников МНО, не включают в такие источники те из них, которые содержат унифицированные материально-правовые нормы, и признают в качестве таковых только те договоры и обычаи, которые содержат исключительно коллизионные нормы. Отдельные сторонники этой позиции идут еще дальше и делят по тому же принципу источники национального права. Так, они исключают из числа источников МЧП те национальные правовые акты, которые содержат только материальные правовые нормы, и в которых нет коллизионных норм. При этом в качестве соответствующих примеров сторонники этой концепции берут, как правило, те национальные законы, которые хотя и регулируют транснациональные отношения, но относятся к правовому регулированию не МЧП, а МАП, где коллизионные нормы в основном содержатся в международных договорах, а не в национальном законодательстве.

В результате исследования автор приходит к выводу, что, в качестве *основных* источников межсистемных надотраслевых образований в Российской Федерации могут выступать:

– источники международного права (международный договор, международный обычай, признаваемый в качестве такового нашим государством, акты международных конференций, международных организаций и международных органов);

– источники национального права (нормативно-правовые акты, санкционированные обычаи, административные договоры);

– судебные и административные прецеденты, официальное толкование и доктрина в соответствующем иностранном государстве, где за указанными формами характер источника права официально признается (когда в качестве регулирующей нормы должна выступать норма национального права другого государства).

Вспомогательными источниками МНО могут быть, прежде всего, так называемые «общие принципы права» и судебная практика в ее узком понимании. В силу того, что в качестве регулирующей нормы может выступать норма национального права другого государства, вспомогательным источником могут также являться практика применения и доктрина в соответствующем иностранном государстве, где за указанными формами характер источника права официально не признается.

В диссертации подчеркивается, что в зависимости от вида МНО характер национальных источников регулирования соответствующих транснациональных отношений в нашем государстве может существенно отличаться.

Поскольку имеет место множественность МНО, в диссертации высказывается предложение разработки и принятия отдельного специального закона «Основы регулирования транснациональных отношений», который бы регулировал весь спектр общих вопросов МНО, независимо от видов таких образований.

Второй параграф *«Действие национальных нормативных актов, регулирующих отношения МНО, в пространстве»* посвящен проблемам действия нормативных актов в пространстве, имеющим непосредственное отношение к регулированию международных немежгосударственных отношений.

Автор исследования обращает внимание на то обстоятельство, что абсолютное большинство авторов в области общей теории государства и права сходятся на том, что нормативно-правовые акты государства распространяют свое действие исключительно на территорию данного

государства. В работе, во-первых, проанализированы часто встречающиеся в доктрине ошибки, касающиеся определения понятий каждого из составляющих такую территорию.

Во-вторых, в ней отмечается, что понятие «территория, на которую распространяется национальная юрисдикция» – более широкое, чем понятие «государственная территория»: существуют территории со смешанным правовым режимом, которые располагаются за пределами территориальных вод, т. е. не являются государственной территорией, но на них распространяется специальная юрисдикция прибрежного государства. Именно здесь находится территориальная сфера регулирования целого ряда нормативных актов прибрежного государства, касающихся осуществления его уголовной, административной и гражданской юрисдикции и имеющих непосредственное отношение к регулированию транснациональных отношений. В работе проанализированы часто встречающиеся в доктрине ошибки, связанные с содержанием и соотношением этих понятий.

В главе также отмечается юридический феномен, который возник после заключения Договора об Антарктике от 1 декабря 1959 г., по которому действующие нормативные акты лишены одной из главных составляющих – действия нормативного акта в пространстве. Эта составляющая как бы помещена в пределы индивидуального человеческого тела.

На основе анализа содержания понятий «государственная территория» и «таможенная территория» диссертант делает вывод о том, что применительно к отдельным отраслям правового регулирования на территории других государств и на территории России могут появиться правовые анклав и эксклавы, расширяющие или ограничивающие пространственную сферу правового регулирования соответствующего российского законодательства.

В **заключение** диссертации подводятся основные итоги исследования, формулируются выводы и предложения, представляющие, по мнению автора, наибольший интерес.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

– в монографии:

1. Межсистемные надотраслевые образования в праве : монография / Б. И. Нефедов. – Омск : Омский юридический институт, 2008. □ 232 с. (14,3 п. л.);

– учебных пособиях:

2. Нефедов Б. И. Правовая регламентация статуса иностранных граждан в СССР : учебное пособие. – Омск : Высшая школа милиции МВД СССР, 1986. – Ч. 1. – 48 с. (3 п. л.);

3. Нефедов Б. И. Правовая регламентация статуса иностранных граждан в СССР : учебное пособие. – Омск : Высшая школа милиции МВД СССР, 1989. – Ч. 2. – 64 с. (3,7 п. л.);

– статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне ВАК:

4. Нефедов Б. И. Имплементация норм международного права в СССР // Советский ежегодник международного права – 1987. – М. : Наука, 1988. – С. 279–284. (0,8 п. л.);

5. Нефедов Б. И. Общетеоретические проблемы современного международного права. Ч. 1 // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 1. – С. 8–13. (0,7 п. л.);

6. Нефедов Б. И. Общетеоретические проблемы современного международного права. Ч. 2 // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 3. – С. 2–7. (0,8 п. л.);

7. Нефедов Б. И. От прав и свобод человека – к статусу человека: необходимость изменения концептуальных подходов // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 5. – С. 11–16. (0,9 п. л.);

8. Нефедов Б. И. Общетеоретические проблемы административного договора / Б. И. Нефедов, С. И. Кожейкин // Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 84–96. (0,85 п. л.);

9. Нефедов Б. И. Пункт 4 статьи 15 Конституции России: проблемы теории и практики // Правоведение. – 2008. – № 5. – С. 122–133. (1 п. л.);

10. Нефедов Б. И. Конституция Российской Федерации и проблема международной правосубъектности индивидов // Правоведение. – 2008. – № 6. – С. 24–36. (1 п. л.);

11. Нефедов Б. И. Правовая природа международных соглашений, заключаемых субъектами Российской Федерации // Право и государство. – 2009. – № 3. – С. 106–109. (0,8 п. л.);

12. Нефедов Б. И. Межсистемные надотраслевые образования и их виды // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5. – С. 62–68. (0,8 п. л.);

13. Нефедов Б. И. История развития структуры права и правопонимание // Право и государство. – 2010. – № 7. – С. 10–17. (0,8 п. л.);

14. Нефедов Б. И. Правовая сущность Международного уголовного права // Право и государство. – 2010. – № 8. – С. 101–105. (0,8 п. л.);

15. Нефедов Б. И. Третья правовая система: действительность или правовой мираж // Право и государство. – 2011. – № 2. – С. 100–107. (0,8 п. л.).

– **статьях, опубликованных в материалах международных научно-практических конференций:**

16. Нефедов Б. И. Иммуниеты государств в российском международном частном праве // Международные юридические чтения : материалы научно-практической конференции. Ч. 2. – Омск : Омский юридический институт, 2003. – С. 149–156. (0,7 п. л.);

17. Нефедов Б. И. Международное право. Современные вопросы теории // Международные юридические чтения : материалы научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2004. – Ч. 1. – С. 29–35. (0,7 п. л.);

18. Нефедов Б. И. Конституция РФ и Международный Билль о правах // Применение норм международного права в деятельности судов и правоохранительных органов Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2005. – С. 13–16. (0,5 п. л.);

19. Нефедов Б. И. Международная правосубъектность членов федерации // Международные юридические чтения : материалы научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2005. – Ч. 1. – С. 186–192. (0,7 п. л.);

20. Нефедов Б. И. Современный взгляд на действие нормативных актов в пространстве // Международные юридические чтения : материалы научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2006. – Ч. 2. – С. 11–17. (0,7 п. л.);

21. Нефедов Б. И. Правовая природа международного частного права // Международные юридические чтения : материалы научно-практической

конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2008. – Ч. 3. – С. 11–17. (0,7 п. л.);

22. Нефедов Б. И. Особенности правовых семей и парадоксы нашей Конституции // Международные юридические чтения : материалы научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2008. – Ч. 2. – С. 46–54. (0,7 п. л.);

23. Нефедов Б. И. Проблема правопонимания на различных этапах развития права // Международные юридические чтения : материалы научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2009. – Ч. 1. – С. 6–20. (0,8 п. л.);

24. Нефедов Б. И. Международное уголовное право как формирующееся межсистемное образование // Международные юридические чтения : материалы научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2009. – Ч. 3. – С. 53–60. (0,7 п. л.);

– **иных изданиях:**

25. Нефедов Б. И. О юридической природе актов ратификации международных договоров // Международное и внутригосударственное право: проблемы сравнительного правоведения : межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск : Изд-во СЮИ, 1984. – С. 115–117. (0,8 п. л.);

26. Нефедов Б. И. Виды международно-правовых документов, оказывающих влияние на правовое положение иностранных граждан в СССР. – Омск : Омская ВШМ МВД СССР, 1986. – 35 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 28.03.86, № 26629;

27. Нефедов Б. И. Принципы правового положения иностранных граждан в СССР. – Омск : Омская ВШМ МВД СССР, 1986. – 27 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 28.03.86, № 26628;

28. Нефедов Б. И. Сущность и содержание национального режима, предоставляемого иностранным гражданам // Конституционное законодательство и вопросы совершенствования государственного управления : межвузовский сборник научных трудов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1987. – С. 230–239. (0,8 п. л.);

29. Нефедов Б. И. Необходимость изменений советского законодательства в связи с заключением СССР договоров о правовой помощи // XXVII съезд КПСС и вопросы совершенствования правовых мер борьбы с преступностью : межвузовский сборник научных трудов. – Омск : ОВШМ МВД СССР, 1987. – С. 89–97. (0,7 п. л.);

30. Нефедов Б. И. Проблема комплексного регулирования внутригосударственных отношений нормами различных систем права // Вопросы совершенствования правового регулирования и укрепления социалистической законности и правопорядка : межвузовский сборник научных трудов. – Омск : ОБШМ МВД СССР, 1988. – С. 22–31. (0,9 п. л.);

31. Нефедов Б. И. Разрешение коллизий норм международных договоров и советского законодательства // Охрана прав и законных интересов граждан и предприятий : тезисы региональной научно-практической конференции. – Кемерово : Изд-во КГУ, 1989. (0,2 п. л.);

32. Нефедов Б. И. Имплементация международно-правовых норм в СССР и проблема международной правосубъектности индивидов // Совершенствование правоприменительной деятельности в условиях перестройки : межвузовский сборник научных трудов. – Омск : Изд-во ОБШМ МВД СССР, 1989. – С. 201–211. (0,8 п. л.);

33. Нефедов Б. И. Виды международных договоров СССР и их влияние на регламентацию вопросов борьбы с правонарушениями // Проблемы правового регулирования борьбы с правонарушениями : межвузовский сборник научных трудов. – Омск : Изд-во ОБШМ МВД СССР, 1990. – С. 3–9. (0,8 п. л.);

34. Нефедов Б. И. Международные договоры СССР и правовое информационное обеспечение деятельности правоохранительных органов внутренних дел // Информационное и правовое обеспечение деятельности правоохранительных органов : сборник научных трудов ОБШМ МВД РСФСР. – Омск : Изд-во ОБШМ МВД РСФСР, 1991. – Вып. 1, ч. 1. – С. 17–25. (0,8 п. л.);

35. Нефедов Б. И. Этический кодекс оперативного работника внутренних дел / Б. И. Нефедов, В. Ю. Фролов и др. // Информационное и правовое обеспечение деятельности правоохранительных органов : сборник научных трудов ОБШМ МВД РСФСР. – Омск : Изд-во ОБШМ МВД РСФСР, 1991. – Вып. 1, ч. 2. – С. 132–140. (0,7 п. л.);

36. Нефедов Б. И. Конвенция Организации Объединенных наций о борьбе с преступностью (проект) / Б. И. Нефедов, В. В. Игнатов // Информационное и правовое обеспечение деятельности правоохранительных органов : сборник научных трудов ОБШМ МВД РСФСР. – Омск : Изд-во ОБШМ МВД РСФСР, 1991. – Вып. 2, ч. 2. – С. 3–59. (2,1 п. л.);

37. Нефедов Б. И. Рекомендует международное сообщество / Б. И. Нефедов, В. В. Игнатов // Народный депутат. – 1991. – № 16. – С. 76–83 (0,6 п. л.);

38. Нефедов Б. И. Пытки как преступление международного характера // Сборник научных трудов Академии МВД СССР. – М., 1992. – С. 34–42. (0,8 п. л.);

39. Нефедов Б. И. Разграничение компетенции национальных и международных уголовных судов // Тезисы выступлений на Всероссийской научно-практической конференции по Закону РСФСР «О милиции». – Свердловск : Изд-во СЮИ, 1991. – С. 29–33. (0,3 п. л.);

40. Нефедов Б. И. Оценка ООН современного состояния преступности на национальном уровне // Безопасность общественная и личная. – 1994. – № 1. – С. 18–23. (0,6 п. л.);

41. Нефедов Б. И. Конституция РФ 1993 г. и Международный Билль о правах // Применение норм международного права в деятельности судов и правоохранительных органов Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2005. – С. 13–16. (0,6 п. л.);

42. Нефедов Б. И. Права полицейского и современная концепция прав человека // Полицейское право. – 2006. – № 2. – С. 5–11. (0,9 п. л.);

43. Нефедов Б. И. Политика и право: необходимость изменения в российской науке подхода к методу правового регулирования международного публичного права // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2006. – № 2. – С. 18–22. (0,8 п. л.);

44. Нефедов Б. И. Старые проблемы новых методик преподавания в вузах // Актуальные проблемы совершенствования методики преподавания в юридическом вузе : межвузовский сборник научно-методических трудов / под ред. Н. П. Парыгина. – Омск : Омский юридический институт, 2003. – С. 65–72. (0,7 п. л.);

45. Нефедов Б. И. Три основные проблемы вузовской педагогики // Высшее юридическое образование: проблемы модернизации : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2005. – С. 77–81. (0,6 п. л.);

46. Нефедов Б. И. Международный Билль о правах и Конституция России 1993 г. // Научный вестник Омской Академии МВД России. – 2004. – № 2. – С. 10–12. (0,6 п. л.);

47. Нефедов Б. И. Правовая природа международных соглашений, заключаемых субъектами Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 243–248. (0,7 п. л.).

Нефедов Борис Иванович (Россия)

**СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И
ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМА
ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖСИСТЕМНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ**

Диссертация посвящена исследованию фундаментальных проблем, связанных с урегулированием международных немежгосударственных отношений и возникновением в праве межсистемных надотраслевых образований как новых форм взаимодействия национальных и международной правовых систем. В ней высказан и обоснован в качестве авторской концепции сам факт существования межсистемных надотраслевых образований, сделан вывод об их множественности, рассмотрены в целом их правовая сущность, предметы, методы и механизм правового регулирования, а также вопросы, связанные с источниками таких образований и субъектами регулируемых ими общественных отношений.

Nefedov Boris Ivanovich (Russia)

**PARITY OF INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW:
THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT
OF INTERSYSTEM FORMATIONS**

The dissertation is devoted to the research of the fundamental problems on regulation of international non-governmental relations and the beginning of intersystem over-branched formations of law as new forms of national and international legal systems. The fact of the existence of intersystem over-branched formations is stated and proved as an author's concept, a conclusion is drawn on their plurality, an analyze is also given of their legal nature, subjects, methods and the mechanism of legal regulation, and also the questions connected with sources of such formations and subjects of public relations regulated by them.

Подписано в печать 25.01.2012 г. Формат 60x80¹/₁₆. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 2,95. Тираж 200 экз. Заказ № 1677.

Типография «Имтел»
г. Омск, ул. Лермонтова, 62